

Institut Français d'Études sur l'Asie Centrale
Markaziy Osiyoni Tadqiq Qilish Fransuz Instituti
Французский Институт Исследований Центральной Азии

Document de travail de l'IFEAC

Серия «Рабочие документы ИФЕАК»

Выпуск 17 (Сентябрь 2005 г.)

N°17 (Septembre 2005)

Алжир и Узбекистан
в ракурсе колонизации и деколонизации.

СТАНОВЛЕНИЕ ДВУХ МОЛОДЫХ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ

ПРОФЕССОР ГИ ИМАР, ДОКТОР НАУК

(PROFESSEUR GUY IMART, DOCTEUR)

Ташкент - 2005

Институт Франсавай Оиди Омӯзиши Осиёи Марказӣ
Борбордук Азияны Изилдөөчү Француз Институту
Француздын Орта Азияны Зерттеу Институту
Merkezi Aziya Barlaglary Fransuz Ylym-dernew Instituty

Рабочие документы ИФЕАК

- №1 (Февраль 2003 г.), **ПРОТЮРКСКИЙ ВОКАЛИЗМ**, Э. Умаров, Институт языка и литературы им. А. Навои, Академия Наук Республики Узбекистан
- №2 (Апрель 2003 г.), **ТУХФАТ АЗ – ЗАИРИН / Мухаммад Насриддин Ал-Ханафи Ал – Хасани Ал – Бухари**, Перевод, предисловие, комментарии-Х.Тураев, кафедра истории Узбекистана, Бухарский Гос.Университет
- №3 (Апрель 2003 г.), **АМИР ТЕМУР БИБЛИОГРАФИЯСИ**, И.Ниязов, Б.Касимов, Б.Баннопов, М.Зиқруллаев, Я.Мухаммедов, Фонд «Амир Темур», Б.Ахмедов, академик
- №4 (Июнь 2003 г.), **ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**, Тексты некоторых выступлений на международной конференции IFEAC в 2000г. в Ташкенте
- №5 (Октябрь 2003 г.), **НАЗРУЛЛОҲ РАСУЛЗОДА СУХАНВАР / Т А З К И Р А**
- №6 (Январь 2004 г.), **ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**, Тексты некоторых выступлений на международной конференции IFEAC в 2000г. в Ташкенте, (*дополнение к №4 серии Documents de travail de l'IFEAC*)
- №7 (Февраль 2004 г.), **ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ РЕАЛИИ**, тексты выступлений на междунар. конференции организованной IFEAC при участии Гёте Института в 2003 г. в Ташкенте в рамках программы рег. сотрудничества (СОСОР) Министерства Иностранных Дел Франции
- №8 (Май 2004 г.), **«ВЕЛИКАЯ СОТНЯ» КАЗАХСТАНА XX СТОЛЕТИЯ**, Е. Имамбек (ИФЕАК Алматы)
- №9 (Сентябрь 2004 г.), **Сборник статей исследователей из Киргизстана**
- №10 (Ноябрь 2004 г.), **Экспансия подобия (Определение, аспекты)**, И. К. Асадуллаев, Институт философии и права, Академия наук Таджикистана
- №11 (Декабрь 2004 г.), **Крымские татары в Узбекистане**, А. Хамзин, представитель Меджлиса крымскотатарского народа по Центральной Азии, член Совета представителей крымскотатарского народа при Президенте Украины
- №12 (Январь 2005 г.), **Из истории исследования понятий синтаксиса членов предложений**, Р. Абдуллаева, зав. кафедрой «Чет тиллар №2», ТошМИ-И
- №13 (Февраль 2005 г.), **Средневековый аральский кризис. Культово-погребальные памятники каракалпаков XVII-XIX вв. по материалам могильника Крантау**, В. Ягодин, Г. Ходжаниязов, Ш. Амиров, ИИАЭ ККО АН Руз
- №14 (Апрель 2005 г.), **Ягнобцы в современном Таджикистане**, сборник статей, Т. Лой, Университет Гумбольдт, Берлин, С. Мирзозода, Институт языка и литературы Академии Наук Таджикистана, Душанбе
- №15 (Апрель 2005) **Конфликты на узбекско-казахской границе: проблемы и решения**, Ф. Хамраев, представитель журнала «Центральная Азия и Кавказ» в Республике Узбекистан.
- №16 (Июнь 2005) **Мусо Саиджонов, Бухоро шахри ва унинг эски бинолари / Муса Саиджанов, Город Бухара и его старинные здания**, нашрга тайёрловчи **Ҳ. Тўраев**, Бухоро Давлат Университети/ Перевод со староузбекского, подготовка к изданию – Х.Тураев, Бухарский Государственный Университет.
- №17 (Сентябрь 2005) **Алжир и Узбекистан в ракурсе колонизации и деколонизации. Становление двух молодых наций**. Ги Имар. Выступление в рамках Конференция «Культурные меньшинства – европейский опыт (*Cultural minorities – the European experience*)», совместно с Институтом Гёте (Göthe Institut), Ташкент

Рабочие документы Французского Института Исследований Центральной Азии (ИФЕАК): освещение вопросов, проектов и заявлений, гипотез и точек зрения по поводу ведущихся научных работ, публикация отчетов о проведении круглых столов, и т. д. Ответственность за содержание публикуемых рукописей несут их авторы, предоставляющие материалы в подготовленном для публикации виде (*camera ready*).

Выпуски данной серии распространяются среди специалистов в целях ознакомления и обсуждения. Ссылки и цитирование данных публикаций возможны лишь при согласии авторов.

Координатор: Реми ДОР (Rémy Dor)

Техническое исполнение: Кирилл Кузьмин, Худайкул Ибрагимов, Мухаббат Абдугафурова

Адрес для переписки: Алие Акимова, IFEAC, д. 18а, ул. Ракатбоши
700031 Ташкент – Узбекистан - informations@ifeac.org – www.ifeac.org

***Алжир и Узбекистан
в ракурсе колонизации и деколонизации.
Становление двух молодых современных наций***

Начнём с изучения типологических черт, общих или различительных, но типичных для обеих стран.

Арабские географы называли Северную Африку (или, как они говорили «Магриб», то есть Запад) словом «джазира», что означает «остров». И в самом деле, основная обитаемая часть страны, пригодная для земледелия или скотоводства, как бы зажата между Средиземным морем и пустыней Сахара. Она представляет собой своеобразный остров, или Чили, простирающийся по-горизонтали, от Танжера до Туниса.

Почти такое же расположение природных областей, но уже покомпактнее и в более грандиозном масштабе наблюдается и в Центральной Азии, где полезные для человека полосы земли также зажаты между стеной Памира и стеной тайги.

И в Алжире, и здесь, наличествуют два признака, связанных с понятием острова: изолированность и замкнутость в себе. Изолированы горные районы, служившие убежищем, изолирована вся страна из-за отдалённости её от других очагов цивилизации, замкнуты в самих себе плоские районы, разделяющиеся на густо населённые равнины земледельческой и городской цивилизации и полупустынные степи, где живут кочевники.

С геополитической точки зрения, и там и здесь характерно параллельное, но не синхронное, чередование периодов открытия и закрытия страны. Обе они, то представляют далёкие периферии, пограничные области мощных империй (китайцев, которые кстати именовали Центральную Азию «Да си», то есть тоже Запад; багдадских или дамасских халифов арабского «Машрэка», то есть, Востока), то целиком были включены в так называемый цивилизованный мир, внутри которого они иногда играли ключевую роль. Северная Африка, например, уже 2500 лет тому назад была частью торговой финикийской империи Карфагена. После её разгрома Древним Римом, территории современного Алжира и Туниса становятся как бы пристройкой к Европе, колониальной провинции Рима. Страна – уже главная житница Римской Империи, и место рождения одного императора – Септима Севера.

Распространение новой религии, христианства, очень рано, со второго столетия и вплоть до первого нашествия арабов в седьмом веке, затрагивает Северную Африку, которая становится главным очагом разных философских школ (точно так же, как Центральная Азия была очагом буддизма).

Арабские завоевания и исламизация обеих стран проходят почти синхронно, а именно: и там и здесь этот исторический процесс находит свой предел с битвами под Таласом в 751 году и под Пуатье в 731.

Зато, несмотря на важность торговли золотом и рабами между Северной и Чёрной Африкой в доисторические времена, Магриб на долгое время застрял в костности тогда, как Центральная Азия извлекала пользу от торгово-культурного «Великого шёлкового пути». И наконец, обе

страны вновь включились в мировую политику в середине XIX века, когда они были прикреплены к европейским державам.

Но независимо от того, являлись ли они центром мощных экспансионистских держав (Империя Тимура здесь или халифат Фатимидов там), или зонами политической беспомощности, обречёнными на захват и кромсание, нельзя забыть, что они одновременно всегда оставались родинами –притом совместными родинами– двух тесно спаянных народов: Тюрков и Персиян – здесь; Бербер и Арабов – там.

Обратимся теперь к историческому обзору, и особенно к изучению двух, общих для обеих стран, кардинальных демографических процессов: исламизации населения, а затем и этнической смены в его составе, то есть, к частичной тюркизации Центральной Азии - с одной стороны, и арабизации бербероязычных жителей Северной Африки - с другой.

Оба процесса развивались в рамках и под решающим влиянием социально-экономической дихотомии, господствующей здесь и там: разделение населения на кочевников, земледельцев и горожан.

Вторжение арабских захватчиков, начиная с первого похода около 650 года, а затем и второго в 708 году, было встречено сильным сопротивлением со стороны Берберов.

Оседлая, довольно романизированная и христианизированная часть этих Берберов, жившая вдоль побережья в теперешнем Тунисе и в горах, отнесена историками к этносу так называемых Беранесов. Именно они, под командованием некоего Косеилы вели первую безуспешную войну сопротивления. Вторая же развёртывалась немного позже в горах Орес

под руководством женщины-жрицы и, которая, судя по её имени – Кахена, была видимо, иудейского происхождения.

В этих первых походах участвовали сравнительно немногочисленные арабские отряды, которые не сумели коренным образом изменить этнический состав страны. Зато им удалось довольно быстро и основательно исламизировать и арабизировать жителей городов, которые очень пострадали от анархии, связанной с упадком Рима и нашествием Вандалов и были готовы принять сильную власть, способную их защищать, тем более, что новые хозяева исповедовали веру, которую они принимали за разновидность своей же, тоже монотеистической веры.

Новым хозяевам также удалось покорить и поверхностно исламизировать (но не арабизировать) кочевников плоскогорья, разделённых на отдельные, плохо организованные племена, которых историки называют «Берберы-Зенеты».

Одни только Берберы-Беранесы, изолированные в горах Ореса и Кабилии, сумели долгое время сохранить свою специфичность и свободу в таком своеобразном Кафиристане.

Восточный и Центральный Магриб оказались таким образом разделёнными параллельно морю и с севера на юг на три полосы: города вдоль побережья, горные области и степные плоскогорья. Вследствии этих событий страна пропустила первую возможность соединиться, спланироваться и образовать хотя бы набросок какого-либо «преднационального» бербероязычного общества.

В центральном Магрибе, в зоне кочевников Зенетов, динамика политической, теперь исламизированной жизни, стала принимать религиозный характер. Традиционная для кочевников неприязнь к

«упадочному», богохульному городскому образу жизни, тяготение к аскетизму и первоначальному ригоризму выразилась в форме раскола – *хареджизма*, примыкающего к *шиизму*.

Этот протест, правда, возникает в историческом контексте кризиса всего мусульманского мира, когда Оммеяды заменены Аббасидами. Но он несомненно имеет и региональную анти-арабскую направленность, напоминающую тюркский, тоже анти-арабский «патриотизм» Саманидов.

В прибрежной полосе, на двухпротивоположных концах Магриба, там, где сохранилось воспоминание о римской государственности, этот протест превратил традиционную племенную солидарность в региональную. В Фесе и Тунисе возникают зародыши будущих наций Марокко и Туниса, появление которых тем самым определяет пределы будущего Алжира.

В горах же Кабилии хареджизм способствует образованию мощного племенного союза Кетама. Его можно рассматривать как второй пропущенный шанс создания зародыша общеалжирского преднационального сознания. Однако, лидеры движения, опьянённые захватом самого крупного центра, города Кайруана в 930 году, увлекаются восточной политической игрой и бросаются на завоевание Египта и Сирии, где они основывают династию Фатимидов.

Другой племенной союз того же самого горного района – Союз Санхаджа, пробует соединить всю страну и подчинить себе Зенетов, вспыхивает настоящая столетняя война, в течении которой Магриб фактически освобождается от опеки халифата, но ценой раздробления в маленькие, беспомощные и недолговечные эмираты.

Именно эта слабость и послужила фатимидскому халифату предлогом для того, чтобы снова подчинить себе Магриб: в 1050 году халифат направляет туда всё ретивое бедуинское племя Бени Хиляль.

Это второе и на этот раз решающее арабское нашествие, насчитывающее целое многочисленное племя, коренным образом изменило этнический состав и языковую ситуацию центрального Магриба. В союзе с Зенетами, они покорили всю страну, которая довольно скоро арабизировалась, за исключением нескольких бербероязычных островков в горах.

С XVI века и до начала колонизации группа авантюристов-пиратов смешанного происхождения под теоретическим покровительством Турции, превращает город Алжир в разбойничье гнездо, процветающее на каперстве в Средиземном море и на торговле рабами (Сервантес был рабом в Алжире). Эта своеобразная Ганза контролировала лишь побережье, и долгое время устраивала набеги на юг Франции с целью грабежа и захвата населения в рабство.

Таким образом, центральный Магриб в течении нескольких столетий представлял собой мозаику мелких эмиратов вперемешку с ничьими полосами, формально подчинённых ближневосточным халифатам, а затем турецким султанам, но фактически живущих согласно традициям кочевого самоуправления или непосредственно горной демократии.

Одно ясно, в отличие от Центральной Азии, где развивалась традиция централизованной государственности и где городская цивилизация преобладала над степной, Алжир долгое время страдал от острого дефицита государственности и городской культуры. Например,

даже в среде эрудитов, - а такие конечно были, - никогда не могло развиваться религиозно-политическое реформаторство типа джадидизма.

Всё это послужило поводом для того, чтобы соседние европейские державы в начале колонизаторской лихорадки начали обращать внимание на Северную Африку.

Когда начинается, как для Франции, так и для России, колонизаторская эра, Средняя Азия и Магриб, если не считать консульских отношений, были практически закрыты для европейцев.

Зато, в отличии от российского государства, которое уже со времени взятия Казани имело богатый опыт правления мусульманским населением, Франция впервые столкнулась с этой проблемой.

Второе различие таково: если в обоих случаях важную роль играли такие моменты как политическая слабость и отсталость колонизируемых стран, логика раздела планеты на сферы влияния, идеология «цивилизаторской миссии» и проблемы внутренней политики, то для Франции завоевание города Алжира и окрестностей носило, по крайней мере в начале, пунктуальный характер хирургической операции и не вписывалось в давно начатый и грандиозный имперский проект с его «евразийской» философией.

Но и здесь и там, именно военная верхушка всегда будет настаивать на постоянном расширении контролируемой зоны.

Некоторые историки различают в экспансии в Центральной Азии три разные модели:

- «Казахская» модель расплывчатого проникновения в страну. То же самое отмечается в Алжире, на побережье и вокруг горных массивов с построением цепи укреплений и введением политики мирных контактов с местной элитой, добровольного перехода на их сторону армии и совместным управлением регионом.
- Дальше в глубине страны применяется «узбекская» модель продвижения вперёд ударными отрядами.
- Применение третьей, «туркменской» модели уже знаменует начало другой фазы колонизации, нацеленной на более широкие объекты: Афганистан с одной стороны, Сахара и Чёрная Африка – с другой.

В конце июня 1830 года начинается высадка французских войск недалеко от Алжира. Город и знаменитая крепость Казба заняты, местный правитель арестован и выслан в Турцию.

А дальше, что делать?

Ведь здесь из-за «дефицита» государственности нет ханов, через которых можно было бы ввести систему косвенного управления. Там – одно неорганизованное «бесхребетное», но общенародное сопротивление во имя джихада.

Колебания французского правительства длились 30 лет. Но на месте, по мере проникновения французских войск внутрь страны, давал о себе знать психологический момент, также типичный при завоевании Кавказа и Средней Азии. Некоторые из европейских офицеров, увлечённые романтикой «Востока», а также рыцарскими чувствами, идеалом

достоинства и набожности, которые они открывали в своих местных врагах, установили личные отношения взаимного осторожного уважения с некоторыми племенными вождями. Так и случилось с главным из них – Абд эль Кадером.

Но цели обеих сторон были слишком несовместимыми: он объявил джихад на юго-западе страны, где он старался создать традиционное теократическое государство, и военные действия возобновились. Новый главнокомандующий, генерал Бюжо (личность напоминающая Скобелева) ввёл тактику выжженной земли и подвижных отрядов, и в 1847 году вооружённое сопротивление было сломлено, а сам Абд эль Кадер был взят в плен на почётных условиях. Ему разрешили отправиться в Дамаск, где он, кстати, познакомился с Шамилем. В 1951 году я видел памятник, воздвигнутый в его честь Францией на месте последней битвы, и на этом памятнике были отчеканены слова: «Если арабы и французы сумеют объединиться, - вместе они совершат великие дела».

Около 1870 года пример Абд эль Кадера вдохновил француско-алжирское движение «Младоалжирцы», стремящееся к установлению теснейших связей между Францией и Алжиром на равноправной основе.

Однако укоренившаяся якобинская традиция смешивать равноправие с уравниловкой привела к тому, что уже во время революции 1848 года Алжир был объявлен «составной частью Франции». В 1871 году после неудачной войны с Пруссией новый республиканский режим подтвердил своё намерение постепенно уравнивать во всём статус французов и местных жителей. Отказ от этого на практике – не со стороны алжирцев – объясняется двумя причинами.

Во-первых, с окончанием военных действий Алжир открыл двери для иммиграции: официальной, не особенно удачной, но прежде всего – спонтанной. В страну хлынули так называемые «колонисты», конечно прежде всего французы с юга страны, но преимущественно бедняки из таких стран как Испания, Италия, остров Мальта, и тд.

Часть этих колонистов осела в городах, а часть занималась земледелием с психологией пионеров на новой земле. Их экономические успехи оказались исключительными, и они за короткий срок радикально модернизировали страну, создав сельское хозяйство, ориентированное на экспорт и на рынок со специализацией на виноделие, зерновые продукты, цитрусовые и оливковые деревья. Параллельно строились шоссейные и железные дороги.

Колонисты постепенно укоренялись в своей новой стране, окончательно отрывались от стран своего происхождения и в 1880 году получили французское гражданство. Второе и третье поколение – уже старожилы- начали переселяться в города. Сельское хозяйство европейского типа мало-помалу переходило в руки крупных помещиков, которые начали играть политическую роль. Правительство в Париже, часто даже несознательно, принимало сторону этих помещиков в их спорах с алжирцами, чья экономика развивалась далеко не такими бурными темпами. Помещики-политиканы тоже сумели выдать себя за представителей всего европейского населения.

Между 1880 и 1920 годами это европейское население стало осознать своё различие с населением метрополии. Образовался новый этнос, который стал называть себя «Алжирцами» и который позже, уже в

изгнании после независимости, неизвестно почему получил название «Чёрные ноги, Черноногие».

Этот этнос, подобно общему средиземноморскому типу, имел свой акцент, говорил на местном варианте французского языка. Создался особый менталитет, и даже появились более или менее синкретические с исламом верования. Так как уровень жизни этих людей был весьма скромным, и они ежедневно трудились бок о бок с мусульманами, то вероятно именно тогда появился третий шанс создания смешанной «креольской» алжирской нации.

Но асинхронность экономического развития мусульманской и европейской общин постепенно сводило на нет эти возможности.

Появился вдобавок и второй повод для практического отказа от идеала уравнивания статусов двух общин: ускоренный демографический рост коренного населения – меньше двух миллионов в 1830 году, около пяти миллионов после Второй мировой войны. А за 132 года французского господства в Алжире пропорция европейцев никогда не превышала 11%.

Но дело не в процентах на месте, а скорее – на уровне всей империи. В отличие от России и СССР, где русское или по крайней мере славянское население всегда глобально составляло большинство, французское население постоянно оказывалось в меньшинстве в пределах империи. И хотя никто никогда официально об этом не обмолвился, применение демократических принципов привело бы к колонизации колонизаторов колонизированными. Образовался тупик, появилась общественная ложь, внутреннее противоречие.

Местная администрация и правительство в Париже не сумели, а иногда и не хотели внедрять необходимые либеральные реформы. Задолго

до войны и длительное время после неё, в адрес европейцев раздавались обвинения в эгоизме. Доля истины в этом есть, но существует более сложная проблема, затрагивающая самые внутренние противоречия колониального захвата.

Ведь существует очевидная связь между уравниванием юридического статуса и прав колонизированных и сохранением их этнической специфичности.

В таких странах как Франция и Россия/СССР, где общественная философия проповедует равенство, но равенство, истолкованное как стандартизация, одинаковость, каждый шаг к осуществлению этого идеала влечёт за собой модернизацию и одновременно – опасность денационализации. И наоборот – там, где правительство ничуть не заботится о правах иногда открыто презираемых «туземцев», их этническая специфичность не подвергается опасности извращения, но при этом растёт опасность косности.

Тогда возникает страшный и в то же время иронический вопрос: не является ли апартеид лучшим решением колониальной головоломки? И задаётся дополнительный вопрос: не оказывается ли иммиграция (но всякая ли иммиграция) явлением противоестественным, чреватым рано или поздно трагедией?

Полагаю, что эта моя попытка сопоставить две столь разные и отдалённые друг от друга страны, как Алжир и Узбекистан, могут вызвать сомнения в серьёзности избранной мной темы.

Вспомним однако пропаганду 60х годов здесь, согласно которой Алжир рассматривался как образцовый пример удачного освобождения от колониального ига. А там, в Алжире, параллельная пропаганда того же направления утверждала, что советская Средняя Азия – образцовый пример удачного решения национального вопроса.

Горькая ирония этого последнего утверждения явно указывает на сомнительный характер первого. Историческая действительность была, конечно, и здесь и там намного сложнее. Простоватая идея о якобы онтологической разнице между капстранами и соцстранами совершенно несостоятельна, особенно когда речь идёт о колониальной проблеме, однако можно спокойно утверждать, что в процессах колонизации и деколонизации Алжира и Центральной Азии довольно много общих или, по крайней мере, параллельных черт....

Доказательством тому послужит одна история, достоверность которой я гарантирую.

В апреле 1969 года, то есть всего лишь семь лет спустя после окончания «национально-освободительной» войны в Алжире, я был в научной командировке во Фрунзе. Однажды, сидя на скамейке в городском саду, я невольно подслушал интересный разговор. Рядом со мной сидели два парня, в лётной форме, и я обратил внимание на то, что они разговаривали на непонятном, но легко угадываемом мною алжирском диалекте арабского языка. Я сразу догадался: алжирские стажёры! Я колебался; очень мне хотелось завязать разговор с ними, сказав, что я тоже из Алжира. Но ведь мы были недавними врагами, и к тому же они наверное засекречены... Они же, заметив моё замешательство и в надежде сохранить интимность своего разговора, весьма неосторожно перешли

на... французский язык! Я сидел неподвижно, как истукан, пока они продолжали начатое ими обсуждение. Горячо перебивая друг друга, они стали развёртывать мысль о том, насколько условия жизни в тогдашней Средней Азии, отношения между коренным населением и «европейцами», расслоение общества и властных структур были похожи на то, что составляло повседневную действительность в недавнем, довоенном, колониальном Алжире.

Итак, есть о чём поговорить, но даже обсуждать такую обширную тему в пределах часового сообщения просто невозможно. А рассуждать о современных проблемах без хотя бы поверхностного знания прошлого – вещь опасная.

Поэтому резюмирую мои главные положения. Первая общая и основная типологическая черта – наличие и там, и здесь, двойной общественной дихотомии: между оседлыми и кочевыми общинами, между тюркоязычными и ираноязычными народами – здесь, и арабоязычными и бербероязычными – там. Основное же различие – наличие древней традиции «преднациональной» государственности здесь, и отсутствие её там.

В остальном – сходства, параллелизмы и различия в истории, присутствие в обеих странах значительного европейского меньшинства, одинаково неожиданный и импровизированный переход к независимости – всё это развёрнуто и объяснено в документах, которые вам раздали.

Последний период так называемого «французского Алжира» (с 1930 по 1954 годы), начавшийся торжественным празднованием столетия

французского господства в Алжире, на самом деле ознаменует начало медленного и ещё скрытого разрыва между коренным населением и европейцами, начало более жёсткого утверждения своих прав и тяготения к этнической обособленности как у алжирцев, так и у местных французов. Это скоро приведёт к ослаблению возможности сближения, к краху создания этнически смешанного общества и, в конце концов, к трагической войне.

Это был период неустойчивого равновесия и идиллических иллюзий, период, напоминающий брежневский застой, когда центр даже не думает о необходимости перемен и реформ, когда европейцы убеждены в блаженной незыблемости своего положения, а коренное население ещё не знает, на что надеяться и как утверждать свою национальную специфичность.

Французская администрация в Париже и на месте придерживается золотого правила «не пущать». Все реформы, на необходимость которых указывают просвещённые французы и алжирцы, похоронены бюрократией и местной номенклатурой. Так например, случилось с планом реформ выдвинутых в 1936 году о предоставлении французских гражданских прав хотя бы алжирской элите согласно лозунгу так называемых «младоалжирцев»: «Превратить колонию во французскую провинцию».

Автор этого законопроекта обратился к депутатам со следующими словами: «У этих мусульман пока нет политической отчизны. Они просят, чтобы мы приняли их в свою. Если вы откажете им в этом, опасайтесь, как бы они вскоре не создали себе другую – собственную».

Как из этого явствует, проекты реформ, выдвинутые самими алжирцами, были тогда направлены на усиление «офранцуживания», что

объясняется отсутствием в алжирской традиции культурно-политического движения типа джадидизма. Все стремления к социальной справедливости и политической модернизации, не находящие удовлетворительного ответа ни в консервативном кораническом образе мыслей, ни в народной фетишисткой религиозности, возлагались на как можно полное приобщение к французским культурным ценностям. Подобное явление у таких среднеазиатских просветителей как Алтынсарын, Валиханов, и др., естественно сопровождалось известной денационализацией.

Скоро станет заметно, как параллельно с провалом реформ и синхронно вытекающим отсюда разочарованием и растущей досадой, появляются новый образ мыслей, новые тенденции, направленные на новые программы, которые нацелены уже не на приравнивание и отождествление статуса алжирцев со статусом французов, а на требование специального полноправного статуса, на утверждение национальной специфичности, а затем и на выбор революционного насилия для достижения этих целей и, в конце концов, на гневный и даже расистский отказ от всего французского и даже западного.

Впрочем, если бы французское правительство всерьёз взялось за внедрение необходимых реформ, оно бы столкнулось с демографической реальностью. Число коренного населения за данный период резко увеличилось, перейдя от 3,5 миллионов жителей к 8 миллионам, тогда как число европейцев мало изменилось: 830 тысяч – в 1936 году и немного меньше одного миллиона – в 1954.

К тому же это коренное население находилось тогда на стадии ускоренной урбанизации, то есть усиленных контактов с европейцами,

большинство из которых уже жило в городах. Как и просвещённые алжирцы, так и бывшие пастухи и земледельцы всё острее чувствуют своё политическое неравенство, свою беспомощность и отчуждённость в своей собственной стране.

Другими словами, - а что-то похожее случилось кажется и здесь, - общество в Алжире всё отчётливее раскалывается на два, отдаляющихся друг от друга блока, по мере того, как улучшаются теоретические условия для их сближения.

Конечно, юридические условия в обеих странах резко отличаются: стремление к общественному равенству в Средней Азии могло показаться пройденным этапом. Но за ширмой этого мнимого равенства полная зависимость от Центра чувствовалась так же остро в Ташкенте или Фрунзе, как и в Алжире.

Вторая Мировая Война повлекла за собой в Алжире такие же испытания, как и здесь, но несмотря на сенсационные поражения как французских, так и советских войск в начале конфликта, эта потеря престижа Метрополии не ослабила колониальной власти на периферии двух империй.

В отличие от Первой Мировой Войны, когда мобилизованные «туземцы» были включены в отдельные отряды, в 1942 году сотни тысяч алжирцев – мусульман и европейцев – сражались бок о бок и дошли до Берштенгадена так же, как и смешанные советские части до Берлина.

Такие тесные контакты в возбуждающей атмосфере совместной борьбы и победы могли бы послужить базой для нового сближения между двумя общинами. Но всё опять вернулось на круги своя: здесь из-за вспышки великорусского шовинизма в 1948 году, а в Алжире ситуация ещё

больше ухудшилась после резни ста французов в городе Сетиф в самый день Победы и последующими за этим репрессиями. Эта первая, до сих пор тёмная трагедия, символизирует переход от мирных методов борьбы к революционному насилию.

Начиная с 40-х годов, я могу опираться в моих рассуждениях на личные воспоминания. Я до сих пор не могу забыть убогие лачуги недалеко от моего дома и хриплый кашель живущих там чахоточных алжирских детей, который я слышал ранним утром, отправляясь в лицей. Я помню также дику поножовщину из-за дележа содержимого мусорных ящиков среди голодных взрослых, вынужденных покинуть свои пастбища на юге из-за саранчи и засухи.

Нищета в деревне, о которой мы знали только понаслышке, вдруг выставилась напоказ. Она пропитывала жизнь страны, сопровождалась разного рода несправедливостями и, что ещё хуже, коллективными предрассудками, но, - и я настаиваю на этом, - всё это никогда не мешало установлению нормальных человеческих отношений с отдельными алжирцами и никогда не сопровождалось какой бы то ни было формой законно установленного апартеида. Зато именно эта полоса крайней нищеты послужила десять лет спустя детонатором войны.

В течении последнего года периода, который потом называли периодом «счастливого Алжира» (в противовес последующим 45 годам диктатуры и разрухи) усиливался политический застой. Статус 1947 года официально внедряет провалившийся в 1936 году, законопроект. Создаётся алжирский парламент, в котором один миллион европейцев представлены таким же числом депутатов, как и 9 миллионов алжирцев.

Но даже этот скромный шаг вперёд был немедленно сведён на нет обычными кознями номенклатуры и крупных помещиков.

Мой отец, который тогда служил в департаменте экономики, ежедневно рассказывал мне о полной беспомощности Парижа в борьбе с ними. Сам я, будучи в 1953 году студентом алжирского университета, отчётливо видел, как растёт чувство возмущения в среде моих алжирских однокашников. Кстати, небезынтересно отметить, что один из моих алжирских друзей стал крупным должностным лицом во французской администрации, а другой – первым послом независимого Алжира в СССР....

Вечером 31 октября 1954 года я уезжал из Алжира в Париж для продолжения учёбы. На следующий день, когда наш пароход приплыл к берегам Франции, все газеты писали о начале войны.

Приступая теперь к изучению того, что стало известным под названием «национально-освободительной войны», я хочу подчеркнуть, что такой несомненно правдивый и важный аспект этого конфликта, является отнюдь не единственным. И с французской, и с алжирской точек зрения необходимо добавить, что эта чрезвычайно сложная война была также гражданской войной.

В начале её и в течении 2-3х лет коренное население довольно сдержанно относилось как к повстанцам, чьи жёсткие методы вызывали страх, так и к французским властям, чьи психологические промахи вызывали недоверие. Присоединение большинства алжирцев к целям революционеров пришло – как это ни парадоксально - тогда, когда чисто

военные действия повстанцев были почти сведены на нет контрмерами французской армии. Зато это присоединение обеспечило революционерам психологическую победу.

Символически первые две жертвы войны – алжирский ветеран Второй Мировой войны и французский сельский учитель – принадлежали к слоям общества, менее всего связанными с глубокими корнями конфликта. Зато беспричинный характер этих двух убийств проливает яркий свет на первое ядро повстанцев: крайне маленькая изолированная группа «профессиональных революционеров», никак не связанных ни с теми, кто требовал обновления гражданских прав алжирцев и модернизации статуса страны по отношению к Франции, ни с теми из религиозной религиозной среды, кто ратовал за сохранение культурной и этнической специфичности Алжира.

Идеология этого боевого меньшинства ленинского типа оказалась взрывчатой смесью того элементарного национал социализма, который тогда экспортировался повсюду - с одной стороны; и эстремистской ксенофобской интерпретации крайне политизированного ислама, тогода ещё в зародыше – с другой.

В течении семи догих лет этот «Фронт Национального Освобождения» систематически применял большевистскую тактику худшего, прибегая к оголтелому терроризму в борьбе как против европейцев, так и против непослушных алжирцев. Разумеется борьба алжирцев за независимость не сводится к одному терроризму, но он придал войне особый, трагический колорит.

Все были вовлечены в кровавый вихрь ужасов «грязной войны», в том числе – нечего греха таить – и отдельные части французской армии.

Арабы резали арабов, французы пытали берберов, берберы – арабов и наоборот, и так далее.

Во всяком случае никакая упрощённая пропаганда никогда не сможет скрыть того упрямого факта, что сотни тысяч алжирцев добровольно боролись на стороне Франции, что тысячи французов добровольно помогали алжирцам, ни того, что к нашему великому, но запоздалому стыду, некоторые французские политиканы и офицеры отдали в конце войны на растерзание алжирским карательным отрядам тысячи профранцузских алжирцев и отчаянных местных французов.

Кроме этой кровавой неразберихи, несомненно вызывающей у вас воспоминания о бывших временах, никак нельзя обойти молчанием и то, что повстанческая партийная номенклатура очень рано ракололась на враждебные кланы, занятые взаимной чисткой. Правда, такая же бурная деятельность отмечается и во французском лагере в Париже и на месте, что привело к возвращению Де Голля к власти.

Де Голль, вопреки громким заявлениям о своём намерении «защищать французское присутствие в Алжире до победного конца», не питал особой симпатии к европейскому населению, которое в 1940 году в общем-то поддержало маршала Петена. Его судьба скорее раздражала, чем волновала его, так как затянувшийся алжирский конфликт мешал ему осуществить свои великие замыслы. Вначале он как будто бы поддержал идею о полной ассимиляции Алжира Францией, зная, что это неосуществимо на практике. Далее, столкнувшись с двойным упрямством повстанческих и европейских ястребов, он как бы махнул рукой на всё и на всех. Он согласился на то, чтобы Сахара вместе с её жителями -

туарегами, была бы искусственно прикреплена к Алжиру, несмотря на отсутствие каких бы то ни было исторических связей. Он согласился и на единственное решение вопроса, которое казалось невыносимым для всех: принести в жертву миллион европейцев, покинутых на произвол судьбы.

После последней вспышки кровавого безумия (столкновения в среде алжирцев между «реалистами», боящимися разрухи и диктатуры, и «идеологами», желающими ввести чистый, научный исламизированный социализм, а в среде европейцев – между солдатами, желающими паче всего демобилизоваться, и кучей отчаянных сторонников «Организации тайной армии») в конце июня 1962 года начинается паника – настоящий УРКУН.

За несколько дней до провозглашения независимости целый миллион европейцев, бросив всё, с одним лишь чемоданом в руках, покидает Алжир на переполненных до отказа пароходах и самолётах. Во Франции их принимают в штыки коммунисты, называя их фашистскими колонизаторами. А тысячи других, которым не удалось убежать во время, пропадают без вести или зарезаны на месте.

Травма долго заставляла молчать этих изгнанников. Только недавно, 40 лет спустя, когда во Францию начали приезжать алжирцы, изгнанные из собственной страны такой же идеологией, слышались голоса в их защиту. Один современный алжирский писатель заявил: «Надо признаться, что эти чертовы колонисты любили эту страну больше нас, её детей». А один «репатриант», как стало удобно нас называть, сказал: «Мы там просто жили вместе, не смешиваясь. Ну что ж – как бы к этому не относились теперь, многие общества именно так и функционируют».

Я рассказал об этом не для того, чтобы вызвать у Вас сострадание к моим соотечественникам. В масштабе массовых избиений и изгнаний двадцатого столетия – это всего лишь ещё одна этническая чистка. Но когда мы начнём изучать возможные решения проблем многонациональных стран, не худо бы вспомнить и об этой трагедии.

Немедленное провозглашение независимого Алжира «народно-демократической республикой», - а вы знаете, что это значит, - имело два последствия.

Во-первых, вспыхивает новая междоусобица между сторонниками умеренной политики (а это зачастую были очень офранцузенные кадры, прошедшие годы войны в подполье внутри страны) и партийно-военной верхушкой, которая отсидела военные действия в Марокко или Тунисе и была намного радикальнее. Победа этих ястребов вследствие путча сопровождается внедрением военно-идеологической диктатуры с ориентацией на СССР. Другими словами, провозглашение независимости ведёт не к освобождению от госсocialизма, как здесь, а к подчинению ему, к освобождению от французского колониализма и установлению советского.

Во-вторых, введение коллективизма, госмонополии на всё и планирование экономики очень скоро привели, как и можно было этого ожидать, к разрухе страны. А в отличие от Средней Азии конца гражданской войны, алжирская экономика в 1962 году была намного сильнее испанской или итальянской до такой степени, что советские дипломаты и специалисты, приехавшие в Алжир, не верили своим глазам: богатое современное сельское хозяйство, отличная сеть шоссейных и железных дорог, плюс – недавно открытая в Сахаре нефть.

Усиливающаяся в течении 30 лет тупая диктатура, резкий рост безработицы из-за бесконтрольного увеличения населения (9 миллионов – в 1962 году; около 30 миллионов – в 1991), крах советского «старшего брата» - всё повлекло за собой перестановку сил внутри силовых органов в пользу ревнителй политизированного ислама. В начале 90х годов им почти удалось захватить власть легальным путём. Резкая реакция со стороны военной структуры сорвала их планы, но вызвала ожесточённую гражданскую войну. В течении 5 лет страна буквально погружалась в кровь; вследствие бесконечных массовых убийств и репрессивных мер погибли сто тысяч человек. Сегодняшний Алжир медленно выкарабкивается из вторичной трагедии, во-время осознав, что он – страна Магриба, то есть Запада.

Такова история страны, которая напоминает известный анекдот:

- «Можно ли построить социализм в Алжире?
- Да, но жаль».

Страна эта разделяет с вашей прежде всего эту черту: обе они – молодые государства, которым теперь предстоит решать такой коренной вопрос – как и на базе чего спланировать в современную мирную и прочную нацию?

Вам конечно известна знаменитая фраза одного основоположника марксизма о призраке, шатающемся по всему миру. Призрак этот в современном мире уже вовсе не социализм, а скорее всего – на благо ли, или же во вред человечеству – национализм.

Что такое национализм? И почему он считается чем-то, то скверным, то положительным, например, в контексте освободительной борьбы?

С более беспристрастной точки зрения, давайте определим его, просто как приоритетное восхваление национальных ценностей. Как таковое это – вполне естественное коллективное чувство, которое фактически невозможно игнорировать. Решительно все режимы, все идеологии, которые пробовали бороться с ним и разгромить его, потерпели крах. Я имею в виду идеологии над-национальные, имперские, ошибочно получившие наименование «интернациональных», будь они мирского или религиозного характера, как например христианская соборность или мусульманская умма.

Эти идеологии вполне приемлемы как моральные и духовные идеалы, но они не лежат на общественно-гражданской плоскости, то есть не находятся в сфере действия национализма. Этическая и гражданская плоскости вполне совместимы, но как только внешняя, чаще всего государственная сила старается их смешать, они становятся несовместимыми. Можно быть одновременно патриотом своей страны и искренним мусульманином или христианином, но все призывы к единству

уммы или к сплочённости коммунистического движения никогда не предотвращали конфликтов вдоль национальных линий между арабами и иранцами, русскими и китайцами, французами и немцами. Другими словами, национализм надо понимать в буквальном, этимологическом значении слова, как выражение духа нации.

Национализм, как таковой, коренным образом отличается от шовинизма, который представляет собой не только его болезненное извращение, но и является как бы присвоением госаппаратом в свою пользу идеала и духовных ценностей нации.

Национализм заставляет государство обслуживать нацию, тогда как шовинизм заставляет нацию обслуживать государство.

Уточняя это, я не отклонился от нашей темы: колонизация это – именно проявление шовинизма не только в том, что она возбуждает чувство превосходства в колонизаторской стране, а преимущественно в том, что даёт колонизаторскому госаппарату хороший предлог (будто это распространение какой-либо веры, цивилизации или «научного» социализма), чтобы закабалить колонизаторскую нацию и поставить её на службу собственного величия.

Именно эта жульническая двусмысленность колонизации особенно ярко проявляется в случае Алжира, когда в Париже провозглашается идея о том, что «Алжир – составная часть Франции», или когда позже говорится, что «Средиземное море течёт через Францию точно так же, как Сена через Париж». Она также проявляется и в СССР, когда большевики претендуют «обучить киргизского малчы и узбекского дехканина идеалу ленинградского рабочего».

Отказ же от этой двусмысленности сопровождается утверждением основных прав как колонизаторской, так и колонизируемой наций, как об этом напоминает французский автор Альбер Камю, родившийся в Алжире: «Единственное мыслимое оправдание колониальных завоеваний заключается в том, что они помогли побеждённым нациям осознать свою специфичность».

Такой подход к колониальному вопросу заставляет нас поразмыслить о его «решении», навязанном большевиками народам Средней Азии, и которое является исходной точкой их нынешних проблем.

Надо отдать большевикам справедливость: они ещё острее австрийских специалистов приняли к сердцу отношения Метрополии к периферийным народам. Именно на периферии, а не в центральных районах России, они победили в гражданской войне, благодаря лозунгу о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения».

Но их победа не пошла на пользу нациям хотя бы потому, что нация для таких же государственников, как и прежние царские хозяева, – всего лишь переходная, обречённая «надстройка».

Внедрённая ими система – не что иное, как временная «уступка» в ожидании появления единого советского общества. Она шовинистская не только потому, что основана исключительно на русских началах, но и потому, что введена «сверху» госаппаратом и на благо госаппарата.

Страна - да и народы – были тогда раскромсаны на удобные куски. Идущие параллельно процессы коллективизации и принудительного перехода к оседлости, стремились к тому, чтобы расторгнуть традиционные «горизонтальные» общественные связи и заменить их «вертикальными» узами подчинённости Центру.

Стержневой хитростью системы, которую очень рекламировали, было то, что мы, мол, официально признаём категорию национальности. Но именно расторжение обычной, логической взаимосвязи между такими понятиями как «национальность», «национальная республика» и «гражданство» указывает на то, что в этой системе национальный уровень находится в соотносительности не с каким-либо настоящим гражданством, а с подданством, то есть с подчинением. Люди это поняли и в 1991 году потребовали суверенитета, прежде чем независимости.

Однако вышло так, что новые союзные единицы, какими бы искусственными они не были вначале, как бы они не напоминали старые административные круги, «привились», потому что были организованы на базе ключевого национального критерия – языка, и ещё потому, что были истолкованы как признание хотя бы чего-то преднационального и составляли известную преграду против вмешательства Центра в национальные дела, своего рода национальную ширму, за которой национальная жизнь могла развиваться далеко от всевидящих глаз.

Но в 1991 году вместе с неожиданным крахом империи рухнул и стержень этой системы. В новых независимых республиках снова слились в одно целое понятия «национальность» и «гражданство». Тогда возникает вопрос: как определять и разграничивать новую нацию в пределах первоначально не предусмотренной на то территории так, чтобы она стала субъектом международного права?

Заметим сразу, что такая проблема не нова, а типична для всех государств – наследников исчезнувших империй: в Южной Америке в XIX веке, в Центральной Европе после Первой Мировой Войны, в Африке, и тд.

Сопоставление с Алжиром и здесь сохраняет свою остроту, так как в деле определения алжирской нации можно отыскать моменты параллельные здешним проблемам:

- проблема бербероязычного населения, то есть проблема меньшинства, исторически являющегося составной частью нации;
- проблема туарегов в Сахаре, то есть проблема не-исторической общины, недавно и лишь частично включённой в территорию республики;
- проблема европейцев, включённых колонизацией в состав населения республики и игравших важную роль в модернизации страны, эмоционально привязанных к ней, но являющихся «неоднородными» с большинством.

Универсальность этих проблем, типичных для всех «младонаций» даже тогда, когда они принадлежат к древнейшей цивилизации, так очевидна, что их удобнее изучать глобально и теоретически.

Приступая теперь к последнему разделу, спешу подчеркнуть, что я далёк от мысли навязывать вам какие бы то ни было рецепты для решения проблемы упрочения нации. Как говорится, «в чужой монастырь...»

Давайте сначала освободимся от одной лжепроблемы. Часто слышатся жалобы на произвольный, абсурдный характер границ, унаследованных от империи с их извилинами и вклинившимися кусочками чужой территории. Это несомненно неудобно. Но посмотрите внимательно

на невероятные изгибы немецко-швейцарской или французско-бельгийской границы. Там довольно часто дом разделён пополам так, что кухня находится в Бельгии, а спальня – во Франции, но это нисколько не мешало упрочению и сплочённости данных наций.

Когда возникают затруднения, виновата не граница, виноваты условия на границе: хорошая граница та, которая не «освящена» столетиями; это – открытая, легко пересекаемая граница. Лучше, когда государство приспособливается к сложностям этнической действительности, чем когда оно навязывает свои требования местным жителям.

Итак, как определить отличительные критерии, позволяющие уточнить пределы и содержание данного национального общества, если этот вопрос не был решён многовековым историческим процессом?

Заметим, что в отличие от критерия сплочения более древних общин (племенной, региональной), которые допускают ступени и перемены лояльности, принадлежность к современной нации – дело дискретное, то есть, повлекшее за собой отказ от других подобных лояльностей со стороны гражданина, и на монополию своих прав на него со стороны государства (монополию, санкционируемую вручением паспорта).

Принадлежность к современной нации неизбежно сопровождается принадлежностью к определённому государству, и такое, пусть даже мирное сосуществование двух категорически разных величин всегда чревато опасностью.

Но неадекватность между государством и нацией, каковая наблюдается в империях, ещё опаснее. Таким образом, лишь демократический режим обеспечивает для этнической группы возможность

оставаться таковой. Только демократия гарантирует гармоническое сосуществование национальных и государственных интересов благодаря своеобразному разделению труда: государство признаёт все личные, приватные, поднациональные лояльности, поскольку свобода их выражения не мешает свободе других граждан, а граждане соглашаются жить в соответствии с набором общепринятых правил. Это – так называемый, гражданский принцип демократии.

В Западной Европе, где сама история обеспечила слияние национального и государственного начал и появления штатов-наций, этот процесс развивался по двум линиям.

В первом случае мы говорим о «гражданских» нациях. Прототипом такой нации является как раз Франция. Механизм этой модели объяснил французский философ конца XIX века Эрнест Ренан, который поставил себе целью защиту жителей провинции Эльзас, аннексированной Пруссией после войны 1870 года, и которые хотя и были германоязычными, но считали себя французами. Самые важные моменты его рассуждений таковы:

«Человек не рождается французом, он им становится своим собственным добровольным волеизъявлением» и «Нация – это не только объективный факт, а проявление солидарности, это – ежедневный плебисцит».

Говорить «я-француз», это не только констатировать наличие общности языка, нравов, территории, истории, на протяжении которой то государство содействовало гомогенизации населения, то население помогало приспособлению государства к своим нуждам. Эти данные

осмысливаются лишь при наличии добавочного субъективного элемента: желания жить в согласии с общепринятыми ценностями и защищать их.

Такая нация – добровольный союз, превратившийся в юридическое лицо посредством государства, символизирующего этот коллективный договор. Это – определённый образ мыслей, превратившийся в политический факт. Такая нация существует независимо от этнического происхождения своих членов. Гражданство преобладает над национальностью и определяет её.

Вторая же «этническая» модель встречается чаще, особенно в Центральной Европе. Она представляется расширением этнической солидарности. Членом такой нации является тот, кто... родился её членом. Конечно эта тавтология опирается на наличие общих объективных черт и прежде всего – общего языка. Но эти объективные элементы рассматриваются как механические, предопределяемые атрибуты общины, независимо от отношения её членов к ним, как унаследованные испокон веков и поэтому скорее как священные характеристики, чем как избранные ценности. Человек как бы поневоле рождается немцем или сербом, прежде чем осознавать себя таковым. Национальность определяет гражданство.

Модель эта, на первый взгляд, обеспечивает больше прочности. Тем не менее она является ничем иным, как базой пресловутого, как бы зоологического сталинского учения о нации и служит предлогом для известных вам всем фальсификаций и манипуляций вплоть до объявления некоторых общин «бесперспективными» и обречения их на гибель.

Вдобавок экзальтация этнических качеств очень часто переходит в национальную спесь, в идеологию избранного народа и в расизм. Но самое

главное заключается в том, что очень трудно беспристрастно определить на первый взгляд вышеуказанные очевидные и якобы объективные критерии.

Возьмём пример бывшей Югославии. Сербь, хорваты и боснийцы говорят на одном и том же языке; в течении столетий они делили одну и ту же территорию и долгое время жили попеременно друг с другом. Из-за этого некоторые сербские шовинисты смотрели на хорватов просто как на католических сербов и, следовательно, требовали от них лояльности к Великой Сербии, но одновременно пренебрегали ими как отщепенцами. Отдельные хорваты точно так же, но с диаметральной противоположностью относились к сербам. В Алжире также долгое время берберы считались арабами как бы второго разряда.

И ещё вот что. В гражданской модели объём национальной территории не является проблемой. У французов нет никаких притязаний на территорию франко-язычных бельгийцев или швейцарцев, несмотря на то, что невозможно отличить жителей Намюра или Женевы от жителей Парижа. Они все знают, что территория каждого кончается там, где начинается территория другого. А определение границ согласно этнической модели, особенно там, где вековая чересполосица – опасная головоломка. Какой-то шутник сказал, что для того, чтобы удовлетворить все требования ревнителей Великой Сербии, Великой Венгрии, и т.д., пришлось бы удвоить поверхность нашей планеты.

Является ли язык – любимый критерий сторонников этнической модели, решающим критерием? Но ведь все языковеды знают, что язык – скорее политическая, а не лингвистическая категория: его специфические черты определены школой, какой-либо академией, а чаще всего –

государством. Вспомните, как шло «создание национальных младописьменных языков». Чистая лингвистика признаёт только континуум постепенно различающихся диалектических нюансов, без резких границ.

И последний вопрос: определении состава нации, то есть вопрос о роли и статусе нацменьшинств, исторически или недавно присоединившихся. Это самая острая проблема, и чисто этническая модель неспособна предложить другой выход из тупика, кроме насильственной гомогенизации или этнической чистки, - два одинаково отвратительных, да и к тому же часто неосуществимых псевдо-решения.

У меня слишком мало сведений о судьбе славянского меньшинства здесь. Но то, что провозглашение независимости прошло без войны, без резни и изгнаний, можно считать замечательным достижением и великой честью для коренного населения.

В заключение скажу, что упрочение молодой нации не может основываться на одних объективных и, по-моему мнению, куцых критериях. Со стороны всех жителей страны, независимо от их этнического происхождения, нужен ещё и такой субъективный момент: любовь к родине.

В стране древней, общей для всех цивилизаций, национальная спаянность требует, чтобы все – узбеки и не-узбеки – чувствовали себя узбекистанцами. А выступая в этой роли, не лучше ли быть действующими лицами, а не просто статистами?

Прочная нация – это такая нация, которая не расщепляется даже тогда, когда все её составные элементы подавлены, запрещены, загажены. Пример тому – Польша XIX века.

Средняя Азия предостаточно страдала в течении её долгой истории. Американский госсекретарь Бржезынский сказал когда-то, что она – Балканы XXI века. Вопреки этому утверждению я желаю ей, чтобы в поисках своего национального утверждения, она сумела избежать такого хождения по мукам.

**INSTITUT FRANÇAIS D'ETUDES SUR L'ASIE CENTRALE (IFEAC)
ФРАНЦУЗСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ИФЕАК)**

КОЛЛЕКЦИЯ “BILINGUES ET DICTIONNAIRES L&M”
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ LANGUES ET MONDES – L'ASIATHEQUE (ПАРИЖ)

* * *

**Nourali le Preux
et Marghoumon-Péri**

**Nurali Botir
va Marg'umon pari**

Fozil Yo'ldashoghli

bilingue ouzbek-français

I F E A C
BILINGUES L & M
LANGUES & MONDES

Перевод и комментарии – Р. Дор, директор ифеак

Cahiers d'Asie centrale (Центральноазиатские тетради)
Ежегодный журнал ИФЕАК

Опубликованные выпуски:

Cahiers d'Asie centrale, n°13-14 (2004 г.)

Dossier : **Gestion de l'indépendance et legs soviétique en Asie centrale**
(Общая тема: Советское наследие в Центральной Азии)

Cahiers d'Asie centrale, n°11-12 (2003)

Dossier : **Montagnards d'Asie centrale**
(Общая тема: Горцы Центральной Азии)

Cahiers d'Asie centrale n°10 (2002)

Dossier : **Karakalpaks et autres gens de l'Aral / Entre rivages et déserts**
(Общая тема: Каракалпаки и другие жители Приаралья / Между реками и пустынями)

Cahiers d'Asie centrale, n°9

Dossier : **Etudes Karakhanides**
(Общая тема: Караханидские исследования)

Cahiers d'Asie centrale, n°8

Dossier : **La mémoire et ses supports en Asie centrale**
(Общая тема: Память и формы её передачи в Центральной Азии)

Cahiers d'Asie centrale, n°7

Dossier : **Patrimoine manuscrit et vie intellectuelle de l'Asie centrale islamique**
(Общая тема: Рукописное наследие и интеллектуальная жизнь в мусульманской Центральной Азии)

По вопросам подписки или покупки выпусков:

EDISUD

La Calade, RN7

13090 Aix-en-Provence - France

www.edisud.com

Коллоквиумы и конференции в ИФЕАК

2005 г.

Конференция «*Культурные меньшинства – европейский опыт (Cultural minorities – the European experience)*», совместно с Институтом Гёте (Goethe Institut), Ташкент, октябрь.

2006 г.

Международная конференция «Традиции Центральной Азии, связанные с пищей»